

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

Научная статья

Поэтическое творчество транслингвальных писателей (на материале поэзии карачаево-балкарских авторов)

Р.А. Керимова

Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарский научный центр РАН
Российская Федерация, 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Рассматривается актуальная в XXI веке проблема художественного билингвизма в контексте новой транслингвальной парадигмы. Предметом исследования являются русскоязычные тексты карачаево-балкарских писателей. В рамках исследования были выявлены разнородные модели художественного самовыражения — новое поэтическое течение молодых авторов с нетривиальной образной системой, зачастую не имеющей ничего общего с устойчивыми формульными представлениями карачаево-балкарского фольклора. Определены основные тенденции художественной транслингвальной поэзии, аргументирована точка зрения, согласно которой творчество нового поколения транслингвальных авторов тяготеет к европейской культурной парадигме. Методы исследования: используется комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа. Исследование вносит свой вклад в теорию транслингвизма в контексте художественного билингвизма, характерного для северокавказских литератур XXI века.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальный автор, новейшая карачаево-балкарская поэзия, билингвизм, лингвокультура

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Керимова Р.А. Поэтическое творчество транслингвальных писателей (на материале поэзии карачаево-балкарских авторов) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 482–494. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

© Керимова Р.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Poetry by Translingual Authors (Karachay-Balkarian Sample)

R.A. Kerimova

Institute for Humanitarian Research
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18, Pushkin Str., Nalchik, 360000, Russian Federation

In this paper we try to comprehend the significant in the XXI century problem of literary trans- and bilingualism in the context of transcultural paradigm. The subject of the research is the Russian-language texts of Karachay-Balkarian writers. As a part of the study, heterogeneous models of literary expression were revealed: a new poetic trend of young authors with a non-trivial figurative system, often having nothing to do with stable formulaic representations of Karachay-Balkarian folklore. As a result of the analysis, the main trends in the art of translingual poetry are identified. According to our results, the literary work of a new generation of translingual authors gravitates toward the European cultural paradigm. Research methods: an integrated approach, combining elements of comparative-typological, system-holistic and historical-literary analysis. The studied problems contribute to the theory of translingualism in the context of literary bilingualism, typical for North Caucasian literature of the XXI century.

Key words: translingualism, translingual author, the latest Karachay-Balkarian poetry, bilingualism, linguistic culture, symbolism

Article history:

Received: 27.02.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kerimova, R.A. 2020. "Poetry by Translingual Authors (Karachay-Balkarian Sample)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 482—494. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

Введение

Процесс глобализации и культурная интеграция являются важными тенденциями современного мира, что, в свою очередь, актуализирует проблемы литературных связей и формирования художественных общностей. Проблема инкультурного влияния на творчество этнических писателей, как предполагал А.Н. Веселовский, «...в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии» [1. С. 115].

Однако ученые озабочены негативными воздействиями процесса европеизации. Как считает Г.С. Померанц, при адаптации западноевропейских понятий в

чужой культуре происходят некоторые деформации, так называемый «духовный хаос» [2]. Данный процесс неизбежно ведет к трансформации социокультурной составляющей в стране, к зарождению новых очагов цивилизации, а иногда к кризису идентичности целой нации. Но при этом стоит отметить и позитивные стороны данного влияния на «незападноевропейские» культуры и литературы. Ученый Н.С. Арсеньев, рассуждая о классической словесности, приводил пример благотворного влияния кросс-культурной литературы на творчество А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, отмечая важность данного фактора в становлении и упрочении единства региональных и национальных литератур [3. С. 7—8]. Овладение ценностями чужой культуры и языка представляет собой двуединый процесс; в условиях билингвизма значительно расширяются горизонты социализации личности, обусловленные инокультурными пластами другой цивилизации.

В.В. Кабакчи и Н.Г. Юзифович, исследуя инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе, выдвигают теорию «язык — средство глобального общения». Развитие билингвизма ученые связывают с политическими, экономическими и финансовыми дискурсами [4]. В каждой поликультурной стране, в которой проживают представители разных этнических групп, двуязычие (билингвизм) либо многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) является естественным. Россия представляет собой многонациональное государство, где языковые формы осваиваются в результате межъязыкового контакта между соседствующими этническими группами. Так, у многих народов Северного Кавказа совмещение двух языковых кодов происходит на уровне сознания и коммуникативной деятельности.

Говоря о карачаево-балкарской литературе, стоит отметить, что билингвизм обусловлен в первую очередь социальным фактором. Вместе с тем творчество транслингвальных авторов представляет собой интерес с точки зрения самобытности мировосприятия, мировоззрения, а также особенностей стилистики, ее синкретичностью. Актуальность проблемы обусловлена еще и тем, что в литературный процесс активно начало включаться молодое поколение авторов (в возрасте до 30 лет). Вместе с тем нельзя исключать и геополитический фактор.

Однако в XXI веке мотивация этнических авторов, обращающихся к русскому языку, иная, чем у писателей советского времени. Одним из факторов переключения на другой язык, по мнению М.А. Пильгун, является смена языковой среды [5]. Данная гипотеза правомерна, но первостепенной задачей для авторов младописьменных литератур является возможность выхода на столичную читательскую аудиторию. И именно русский язык увеличивает вероятность преодоления стереотипа о «поэзии периферии», так как современные национальные поэты свободно владеют и пишут на двух языках, благодаря чему многие из них обходятся без профессиональных переводчиков.

Транслингвистичность представляет собой взаимовлияние языков, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры [6; 7]. Таким образом, к транслингвальным авторам относятся те, которые осознанно выбирают русский язык для творческого самовыражения, при этом не прибегая к переключению на родной язык.

Обсуждение

«Новое» транслингвальное направление, берущее начало от традиционного феномена билингвизма, — русскоязычная карачаево-балкарская поэзия, основанная на современном поэтическом принципе «раскрепощения сознания» (авторы, пишущие только на русском языке). Наиболее яркие представители данного течения — К. Кудева, Х. Бостанов, И. Узденова. Авторы намеренно избегают «культурного субстрата»: он отсутствует как на языковом, так и на ментальном уровне. Авторы объединяет отсутствие ярко выраженных внеэстетических задач, улавливается стремление обойти политические, социальные мотивы, «злободневные проблемы человечества». Выделяется сосредоточенность поэтов на сугубо художественной и личностной проблематике. Безусловно, у каждого свой опыт, своя степень зрелости. Авторы манифестируют себя как продолжателей линии Серебряного века. Их произведения насыщены скрытыми цитатами, перекликающимися с имажинистскими мотивами лирики С. Есенина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, А. Блока, М. Бродского, В. Высоцкого, И. Эренбурга и т.д. Вместе с тем поэзия молодых авторов представляет собой яркое стилевое и тематическое разнообразие.

Самая молодая представительница данного направления — **Камила Кудева**, балкарка, но, по ее словам, она «далека от местного менталитета». В одном из своих произведений она рассуждает:

Из меня должен был быть бухгалтер большой,
А не та, что Есенина любит.
Как улажу конфликт со своею душой
Мне бумажка профессию купит.

[8. С. 112]

Стихи К. Кудевой представляют собой некий протест против социума с адаптирующимися западными ценностями и идеалами. Неприятие действительности проявляется не только в содержании произведений, но и в манере их подачи. Свободный стих, метафорический язык, своеобразная лексика составляют стилистику стихотворений К. Кудевой, а синкретизм таких направлений, как акмеизм, английская метафизическая поэзия, андеграунд, постмодернизм создают особый стиль ее произведений. Тексты Кудевой содержат множество посланий, вместе с тем поэтесса максимально откровенна с читателем, поэтому стихи напоминают некий дневник, в котором она излагает свои мысли о сущности бытия. Героиня максимально хочет отдалиться от современной / виртуальной реальности, в которую вовлечена большая часть современного общества.

Посредством хронотопического дейкиса поэтесса перемещает читателя в советское время, словно ностальгирует:

Я как будто ошибочно здесь нахожусь,
И внутри пятьдесят мне годов.
Старомодной души я ничуть не стыжусь,
Не стыжусь и наломанных дров...

[8. С. 115]

По мнению автора, советская идеология была близка духу наших народов и стала верным ориентиром для развития страны. Интересен тот факт, что героиня К. Кудяевой до сих пор на мыслеобразующем уровне существует в Советском Союзе:

Ты искал меня в годы другие,
Так давно, что тебя уже нет.
Мы сидели с тобой, молодые,
На скамье, что стоит много лет.
[8. С. 110]

СССР для поэтессы — это «потерянный рай», возможно, именно потому, что сама она не застала многие негативные моменты советской жизни.

К. Кудяева в своих текстах обосновывает неприятие новых ценностных ориентиров в обществе:

Я в порядке, и жизнь мне моя дорога,
Но скучаю по тем временам,
Где моя никогда не ступала нога,
Та пора, друг мой, плачет по нам.

И как быть в суете столь коротеньких дней,
Где все люди погрязли во лжи?
Век вульгарных особ и трусливых парней,
Где любовь продают за гроши.
[8. С. 90]

Однако будет ошибочным полагать, что тексты К. Кудяевой сложны для восприятия и представляют собой некую завуалированную мыслеобразующую систему; круг проблем, охваченный в ее произведениях, понятен неискушенному читателю. Центральное место в ее художественной картине мира занимает символ осени. Автор создает метафоры «советская осень», «теплые беседы», а излюбленные образы тумана, шарфа, любимого кашемирового пальто, чашки горячего чая (обязательно в компании собеседника/друга мужского пола), а также неторопливость действий создают впечатление «застывшего времени», особого параллельного мира, в котором существует героиня. Лирический субъект бытийствует в состоянии «вечной осени», зима также упоминается, но весна и лето выпадают из временного поля в текстах К. Кудяевой. Зима/снег в системе ее эстетических координат занимают незначительное место, автор осознанно употребляет их для выделения важнейших в ее поэтике лексем, номинирующих температурные ощущения:

Пришло нам время выпить чай,
Согреться и продолжить путь.
Но я разлила, невзначай,
Пытаясь крышку повернуть.
[8. С. 91]

Доминантным символом выступает осень, с которой органически сопряжен комплекс определенных образов и мотивов: *золото, тепло, шарф, чай, свет, солн-*

це. В свою очередь лексемы *чай, кофе, пальто, шарф, одеяло* сочетаются с температурными атрибутами, точнее указывая на тепловые признаки: *теплый чай, горячий кофе, теплый шарф, теплое пальто* и т.д. Характерная лексика индивидуализирует манеру взаимодействия с миром.

Я готовлю теплый кардиган
Шарф бордовый, черные ботинки.
Попадаюсь в Осени капкан,
Золотые сентября картинки.
Осенью не нужен мне никто.
Что за чушь? Никто и не поверит.
Я люблю носить свое пальто,
Но приятней, если кто-то греет.
[8. С. 89]

Семантика образного комплекса зимы и осени несет в себе внутреннюю противоречивость и амбивалентность, так как витальная энергия сопрягается с тоской о прошлом, о несбывшихся мечтах. В «осенних текстах» акцентируются идиллические мотивы любви, радости, счастья.

Таким образом, осень не просто природное явление, а особенный период, когда человек задумывается о смысле жизни, вечности, судьбе и своем предназначении. Самобытность автора проявляется в способности абстрагироваться от внешних погодных условий, но при этом чувство меланхолии не формирует негативное отношение к дождю, снегу, холоду; наоборот, оно провоцирует развитие любовной линии, что придает особую сентиментальность ее стихам.

Индивидуальный стиль поэтессы выделяется неоромантическими интенциями, представляя собой новое течение в русскоязычной национальной литературе. Лирический субъект К. Кудаевой проживает в ином мире, в другой эпохе, стремясь отдалиться от пошлости, лицемерия современного общества. Особое движение авторской интонации, «нездешность» поэтики создают художественное пространство, лишённое агрессии.

Тексты **Хусея Бостанова** отличаются поэтической зрелостью. Философские высказывания поэта обращены к интеллектуальному читателю. Произведения представляют собой некую стилистическую и лексическую игру, в которой понятийный субстрат не является основным. Бессюжетность таких текстов восполняется высокой степенью ассоциативности, использованием мифопоэтических кодов различных культур, шифров узнаваемых образов, переплетенных с личным интимным знанием автора.

Я стал душевно глухонемым.
Духовно слепым, немощным.
Пластилином, горячим воском.
Горящим внутри и по периметру.
Жизнь — кривое зеркало
Фигуры странные лепит
Рубцами пережитых дней на лицах.
[8. С. 21]

Самобытность Х. Бостанова заключается в амбивалентности восприятия и отражения. Переключения из реальной жизненной плоскости в мыслительно-зрительную сферы происходит плавно и органично, реальный мир и иллюзии в его текстах смешались:

Меня позавчера убили
Выстрелом в душу — контрольным.
А ты сказала «Прикольно»
А мне ничуть не больно.
Значит, я что-то значил.
А как же иначе.
Значит я буду жить
В песнях о самом главном.

[8. С. 22]

Безусловно, для неподготовленного читателя стихи Х. Бостанова — всего лишь игра слов и смыслов, но усложненность метафорами, некая сюжетно-тематическая «размытость», зашифрованность/закодированность культурно-мифологических символов придают самобытность его стилю и в то же время делают узнаваемыми ярко проявляющиеся мотивы метафизической поэзии И. Бродского.

Все
Я ставлю две точки
Над е.
Потому что на дне
Не испитых грехов,
Недосказанных слов,
В куче грязи и кальки
Золото
Воспоминаний.

[8. С. 23]

Отчужденность от реальности, тяготение к мистическому и метафизическому началу, стремление побороть «духовный хаос» сопровождается саморефлексией и поисками внутреннего Я. Типологическое родство, аллюзии на классиков не перекрывают собственный голос, напротив, расширяется смысловое пространство системы поэтических образов. Но вместе с тем было бы ошибочным рассуждать о Х. Бостанове как об интроверте, который поглощен своими душевными переживаниями; он четко улавливает «пульс» современности и прекрасно ориентируется в реалиях настоящего времени.

Ты кто?
Человек...
Что свято для тебя?
Свобода и Родина...
Что тебе нужно?
Верить...
Три вопроса.
Три правильных ответа.

Маленькие трагедии.
Мизерные радости
Неизвестного человека
Никчемного...
У него нет ничего ценного.
Да, господа хорошие
Опубликуйте в журнале «Форбс»
Список самых богатых людей
Духовно...

[8. С. 24]

Возможно, характерная для стилистики Х. Бостанова метафоричность и сложно сочетающиеся в тексте выражения («как бы нехотя») могли бы усложнить восприятие, но особая экспрессивность придает стихам легкость, воздушность. Также в тексте не сменяются окончания, т.е строфа заканчивается ударным слогом, тем самым трехстопный анапест, который он в основном использует, превращается в монотонное звучание, создавая ощущение нехватки выразительных средств.

Я завтра улетаю на Сейшелы.
Сейшелы ближе,
Чем Мадагаскар.
Что это значит?
То, что я умер.
Только для тебя.

[8. С. 24]

Смятение чувств, их непоследовательность, некий хаос, ирония, сменяющаяся черным юмором, свидетельствуют о его постмодернистском восприятии:

После продолжительной болезни,
Не приходя в сознание, простилась
С нами совесть.

Краеугольной задачей является обращение к читателю посредством своих текстов, в которых он ставит риторические вопросы и размышляет над ними. Сущность коммуникативного акта заключается в достижении цели — посредством внутреннего монолога привлечь внимание читателя к насущным проблемам бытия.

Направо пойдешь —
Ничего не найдешь
Налево придешь —
Себя потеряешь.
Куда мне идти,
Если чувствуешь ложь.
Стой говорят
Не угадаешь
Назад обернешься
Сомнения жгут,
Вперед — упираешься

В стену из камня.
А может меня
Ты с собой позовешь,
Ведь вместе угадывать
Легче, я знаю.

[8. С. 25]

Не менее интересна своим творчеством молодая поэтесса **Ирина Узденова** — автор двух сборников: «Соловьиное сердце» (2002), «Пламя победы» (2018). Первый сборник представляет собой цикл стихов «Новая твердыня», «Музей», «Мое собрание насекомых», «Долина цариц», «Львиные песни», «Венок сонетов» (цвета), и сонетов-посвящений.

Уже первый сборник представлен достаточно зрелыми и интеллектуальными текстами. Улавливается некая связь с К. Кудаевой, которая также использует прием хронотопического дейксиса. Но различие состоит в том, что И. Узденова перемещает читателя в XIX столетие. Пространственно-временная ориентация подкреплена еще и выбором таких жанров, как ода, баллада, сонет, предпочтением классического четырехстопного ямба.

Наскучило мне глупое бряцанье
Сегодняшних придворных гусяров —
Пойду в поля и в лунное мерцанье
Заслушаюсь мелодией ветров.
То веселы они, а то застонут.
Настроят лютно вольную свою,
Иль брошенной кимвалы струны тронут
И сами ей тихонько подпоют.

[9. С. 32]

«Неусложненность» лирического высказывания представляется неким отступлением от «современного стиха». И здесь можно говорить о намеренном, установочном использовании архаичной лексики, которая была характерна для большинства авторов Серебряного века, что позволяет рассматривать данную практику использования архаики как общую черту поэтического словоупотребления.

Интерес представляет тот факт, что героиня часто обращается к неким универсальным мифообразам (Клеопатры, короля Ричарда и т.д.). Данные образы создают в ее тексте повторяющиеся (инвариантные) мотивы идеализации средневековых воинов, правителей и т.д. А присущая коммуникативная тактика так называемого воспевания / идеологизации исторических личностей позволяет нам рассуждать о неких параллелях между И. Узденовой и М. Цветаевой, которая «... на экзистенциальной отстраненности и стремлении лирической героини создавала адресата по законам мифа. Поэтому основная функция такого «воспевания» не коммуникативная, а номинативная (см., например, цикл “Комедьянт”» [10. С. 149].

Заметим, что здесь для обеих поэтесс важно посредством словесного образа представить не столько индивидуальность адресата, но и его «прельстительную» суть, то, что в адресате ее восхитило, очаровало. Таким образом, портретная пла-

стика не является первостепенной (скорее, она даже отсутствует), внимание обращено к характеристике внутренних качеств.

Лев умер от укуса комара!
— Да, тварь ничтожная царя убила.
Презренный гнус, дрянная мошкара
Великим не однажды кровь травила.
Но ты и не комар, ты — клоп простой
Лишь потому пока еще прыгучий.
Что хоть зловонен ты, когда живой.
Раздавленный ты более вонючий.
(Сказано о смерти Ричарда львиное Сердце).
[9. С. 26]

Разнообразие и многообразие жанра посвящений позволяет выдвинуть нам гипотезу о том, что в поэтической коммуникации И. Узденовой адресация становится организующим фактором художественного сознания (А. Грину, Э. По, Э. Диккенсон и т.д.). Однако историзм и усиление философического начала в лирике — факт поэтического процесса, как писал Р. Эмерсон: «Наша эпоха была обращена к прошлому. Она увлечена жизнеописаниями, историей, литературными штудиями» [11. С. 45].

Примечательно, то что другой сборник, датированный 2018 годом, представляет собой совершенно иную авторскую концепцию, которая очень далека от философии романтизма, от Д. Байрона, А. Пушкина. Книга «Пламя свободы» посвящена теме памяти о Великой Отечественной войне.

В данном аспекте важно отметить, что в одном из исследований мы выдвинули гипотезу о том, что «в творчестве молодых наблюдается усиление интереса к национальной картине мира... Меньше внимания уделяется глобальным социальным проблемам действительности и изображению исторических событий (к примеру, тема Великой Отечественной войны)» [12. С. 250]. Безусловно, в некотором отношении эта тенденция теряет силу. Вместе с тем речь шла о текстах на родном языке. Также она доказательно подкреплена на примере русских авторов XXI века, которые сознательно обходят патриотическую тематику, заостряя свое внимание на принципе вакуумного развития, актуализируя насущные проблемы бытия [13]. Но сборник карачаевки Ирины Узденовой в некотором плане восполняет данный пробел наличием патриотических мотивов о войне.

Отрадно, что в условиях нового времени у этнического автора появляются не только отдельные стихи, а целый сборник, посвященный теме памяти. Бесспорно, данный феномен заслуживает особого внимания и более пристального изучения со стороны литературоведов. Интерес подкрепляется еще и с точки зрения социокультурного фактора: это новый взгляд на осмысление исторических событий, данный автором третьего поколения после войны.

Поэтесса намеренно обходит актуальные для русской поэзии XXI века тенденции — закодированность авторской мысли, «засоренность» поэтического языка элементами бытовой и ненормативной лексики, просторечие, использование аллитераций, придающих жесткость стихотворному тексту. Впечатляет то, что

И. Узденова «ограждает» свой текст от нетрадиционных в классическом понимании проблем, таких, как субкультурные влияния, психологические и личностные проблемы человека (часто имеющие сексуальную окраску).

Тема войны репрезентирована в ее текстах в мотивах разлуки, памяти, дороги, автор также затрагивает актуальную проблему о «забытых героях»:

Лишь у небес есть вечный дивный свет
Тех звезд, что призваны героев славить,
Неизгладимый след ушедших лет,
А у земли есть память, память, память...
[14. С. 5]

Обостренное внимание поэтессы к таким этическим категориям, как *выбор*, *долг*, *ответственность* и использование «военной лексики» («Минное поле», «С небес», «Клятва», «Гроб войне», «Правда военкора», «Из дневника врача», «Один за всех») сближают ее творчество с писателями-фронтовиками, такими как А. Межиров, Б. Окуджава, Д. Самойлов и т.д. [14].

Лирический субъект поэзии И. Узденовой лишен конкретности, он представляет собой своеобразно обобщенный концентрат героического без какой-либо определенной индивидуальности. Отсутствие склонности к детализации, изображению «портретов», вплетение в текст множества фактических деталей и документальных свидетельств, в которых исчезают приметы личности и остается не человек, а легенда, некая притча о мужестве, также позволяют нам рассуждать о неких параллелях с вышеозначенными писателями:

О нас забудут даже сводки,
Ну что ж, таков удел бойцов —
Пойдут солдатские пилотки
Нам вместо нимбов и венцов.
[14. С. 80]

Произведения И. Узденовой характеризуются глубоким патриотизмом: «И жизни не жалел, врагов губя, как кровь свою для Родины пролил?...Я помню за тебя и за себя». Вместе с тем в стихотворениях мало негатива, ненависти к врагу, в их основе — вера в победу, чувство благодарности защитникам Родины. Также для автора важно сохранить историческую память о народной трагедии:

Святая вера нам с тобой дана,
И нам ее нельзя не оправдать —
Во всех боях, в любые времена
За них, за всех, умевших побеждать!
[14. С. 102]

Выводы

В карачаево-балкарской литературе отмечается актуализация феномена билингвизма, который может быть выражен по-разному. Нами было рассмотрено новое направление в карачаево-балкарской словесности — творчество транс-

лингвальных авторов (пишущих только на русском языке) с нетривиальной образной системой, зачастую не имеющей ничего общего с устойчивыми формульными представлениями фольклора.

У молодой когорты писателей свой стиль, свои образы, особенности стихосложения, большинство из них опираются на поэзию символа. Молодые художники слова стремятся отдалиться от реальности посредством идеализации образа. Отраднo, что ни есенинские интонации, ни бальмонтoвские интенции не перекрывают авторскую индивидуальность.

Безусловно, не все молодые авторы-билингвы «читаемы» в силу своей закодированности. Зашифрованность образов/мыслей создают некий барьер для непрофессионального читателя, в силу этого сужается аудитория. Для многих характерен уход от реального мира, тяготение к мистике и метафизике И. Бродского, при этом художественное творчество писателей-транслингвов выражается в создании собственного языка и собственной манеры письма, отличающейся от той, которая признана в традиционной национальной билингвальной поэзии. Для карачаево-балкарской словесности это новое направление, первый опыт обращения русскоязычных авторов к европейской культурной парадигме посредством русской литературы Серебряного века. Интуитивный характер синкретизма сопутствует поэтическому «дуализму», который иногда субъективен, но не лишает поэзию новизны.

Список литературы

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989.
2. *Померанц Г.С.* Европейское наследие в становлении глобального диалога культур // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 2. С. 15—35.
3. *Арсеньев Н.С.* Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959.
4. *Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г.* Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3 (12). С. 95—101.
5. *Пильгун М.А.* Мультимедийный текст: особенности функционирования и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. С. 197—201.
6. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Изд-во МГУ, 1970.
7. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
8. Поэтическая строка. Новые имена в поэзии / сост. Р. Рубанов. М. : Фонд СЭИП, 2015.
9. *Узденова И.* Соловьиное сердце. Стихи. Пятигорск : Северо-Кавказское изд-во, 2002.
10. *Круглова Т.С.* Жанр лирического посвящения в лирике М. Цветаевой // Вятский вестник. 2009. № 2-2. С. 149—147.
11. *Эмерсон Р.У.* Нравственная философия: Харвест. М. : АСТ, 2001.
12. *Керимова Р.А.* Этнокультурное пространство современной карачаево-балкарской поэзии // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 247—259.
13. *Соболева Л.С., Турчина Н.П.* Образ великой отечественной войны в стихотворениях русских поэтов // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум».
14. *Узденова И.* Пламя победы. Кисловодск : КГТИ, 2018.

References

1. Veselovskij, A.N. 1989. Istoricheskaya poetika. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.)
2. Pomerants, G.S. 2000. "Evropejskoe nasledie v stanovlenii global'nogo dialoga kul'tu". Aktual'nye problemy Evropy: 15—35. Print. (In Russ.)
3. Arsen'ev, N.S. 1959. Iz russkoj kul'turnoj i tvorcheskoj tradicii. Frankfurt-na-Majne. Pp. 7—8. Print. (In Russ.)
4. Kabakchi, V.V., and N.G. YUzefovich. 2007. "Inolingvokul'turnyj substrat v mezhkul'turnoj kommunikacii". Voprosy kognitivnoj lingvistiki 3 (12): 95—101. Print. (In Russ.)
5. Pil'gun, M.A. 2015. "Mul'timedijnyj tekst: osobennosti funkcionirovaniya i perspektivy razvitiya". Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki 157, 2015: 197—201. Print. (In Russ.)
6. Vereshchagin, E.M. 1970. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma). Moscow: MGU. Print. (In Russ.)
7. Proshina, Z.G. 2017. "Translingvizm i ego prikladnoe znachenie". Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' 14(2): 155—170. Print. (In Russ.)
8. Poeticheskaya stroka. Novye imena v poezii. Moscow: Fond SEIP, 2015. Print. (In Russ.)
9. Uzdenova, I. 2002. Solov'inoe serdce. Stihi. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe izd-vo. Print. (In Russ.)
10. Kruglova, T.S. 2009. "Zhanr liricheskogo posvyashcheniya v lirike M. Cvetaevoj". Vyatskij vestnik 2(2): 149—147. Print. (In Russ.)
11. Emerson, R.U. 2001. Nravstvennaya filosofiya: Harvest, Moscow: AST. Print. (In Russ.)
12. Kerimova, R.A. 2019. "Etnokul'turnoe prostranstvo sovremennoj karachaevobalkarskoj poezii". Voprosy literatury 4: 247—259. Print. (In Russ.)
13. Soboleva, L.S., and N.P. Turchina. "Obraz velikoj otechestvennoj vojny v stihotvorenijah russkikh poetov" in Materialy VIII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» Proceedings. Print. (In Russ.)
14. Uzdenova, I. 2018. Plamya pobedy. Kislovodsk: KGTI. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Керимова Раузат Абдуллаховна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований — филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН». E-mail: k.roza07@mail.ru

Bio Note:

Rauzat A. Kerimova is a Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Karachay-Balkar Literature Branch of the Institute for Humanitarian Research, Federal State Budget Scientific Institution "Federal Research Center", Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". E-mail: k.roza07@mail.ru